

— Разумеется! — уездный судья Сюй добродушно рассмеялся, его тон был на редкость приветливым. — Ты ведь теперь будешь под самым боком у господина префекта. Смотри, не забывая помогать родному краю!

Дин Тянь лишь мысленно вздохнул от такой перспективы.

Дело было вовсе не в том, что награда оказалась скудной. Напротив, среди всех выданных наград его награда была самой щедрой. Сто лянов золота, тысяча лянов серебра, пара рабочих лошадей и в придачу — новенькая повозка. Из съестного — туша быка, две огромные свиные туши и десяток жирных баранов. Причём всё мясо уже разделали — бери нож, режь да бросай в котёл.

Тканей тоже отвалили от души: четыре рулона шёлка, четыре — атласа, два — узорчатой тафты, а ещё десять отрезов тонкого хлопка, двадцать отрезов грубого холста, столько же тонкой пеньки, тридцать — дерюги и целых сто цзиней чистой ваты. К этому прилагались три дорогих письменных прибора. Сюаньской бумаги тончайшей работы прислали целых два короба — со стороны посмотреть, так Дин Тяня можно было принять за почтенного учёного-сюэца. Зерна давать не стали: все и так знали, что у семьи Дина своя лавка и хлебом они обеспечены.

Впрочем, на грубый хлопок, пеньку, дерюгу и вату дали особое указание — всё это предназначалось на пошив арестантских роб. Но самым главным подарком стала дарственная на недвижимость. Согласно бумагам, Дин Тяню отходил просторный дом с тремя внутренними дворами в самой управе, неподалёку от ведомства префекта. На воротах усадьбы уже даже красовалась новенькая табличка с надписью: «Обитель Дина».

Должность Дин Тяня осталась прежней, однако место службы изменилось: теперь он переводился в тюрьму губернского города на место главного тюремщика. К новым обязанностям надлежало приступить в будущем году, сразу после праздника Дракона, поднимающего голову, так что у него оставалось время, чтобы спокойно справить Новый год в родных краях.

Этот перевод в губернский город и стал для него главной наградой.

Другие исходили завистью, глядя на такое везение, но сам Дин Тянь особого восторга не испытывал. Ему совсем не улыбалось уезжать на службу так далеко от дома. Разве плохо жить у себя под боком? Своя родня рядом, в любом деле помогут и поддержат.

Судья Сюй между тем поинтересовался:

— Твоей тюрьме ведь тоже понадобятся люди. Есть уже кто на примете?

Штат служек и констеблей в уезде был укомплектован полностью, а вот наводить порядки в тюрьме судья Сюй не собирался — это право он великодушно уступил Дин Тяню, дав ему

свободу действий. Для уездного судьи было выгодно иметь своего человека в губернской тюрьме: случись что, Дин Тянь всегда сможет вовремя предупредить о переменах наверху. К тому же Сюй возлагал большие надежды на связи Дин Тяня с тем таинственным покровителем, пусть даже эти отношения были едва завязаны.

— Я ещё подумаю над этим, — Дин Тянь вежливо поклонился, сложив руки. — Из двух подаренных свиней одну я бы хотел оставить для уездной кухни. Пусть у ребят на праздники будет хорошее угощение. А остальное я заберу.

— Договорились! — охотно согласился судья Сюй.

Он тут же велел служкам управы помочь Дин Тяню перетащить добро в его дом по соседству с управой, а одну упитанную свиную тушу отправил прямым к поварам.

Когда это богатство доставили во двор, третья тетушка, которая как раз прибиралась в доме Дин Тяня, так и застыла на месте. Третий дядя тоже нахмурился, разглядывая горы добра:

— Откуда столько всего?..

— Высочайшая награда, принимайте! — весело отозвался Линь Ци, который наконец-то пришёл в себя после недавних потрясений, и шутливо поклонился. — Всё чистая правда, пользуйтесь на здоровье!

К возвращению Дин Тяня Линь Ци и остальные служки управы уже разошлись. Как раз в это время к дому подъехал второй дядя со своей семьёй: близился Новый год, и они приехали в город закупить праздничные товары для своей лавки. Но стоило им увидеть, сколько добра свалилось на старшего племянника, они лишились дара речи.

— Тянь-эр, это ещё что такое? — второй и третий дяди испуганно переглянулись.

Дин Тянь невольно удивился их реакции. Он-то думал, что родные обрадуются — ведь такое богатство простому человеку выпадает раз в жизни. Однако его дяди, простые крестьяне, не привыкшие к щедрости властей, лишь перепугались. И то верно: простые люди всю жизнь мечтают лишь о тихом покое, а внезапное богатство часто приносит с собой не радость, а беду.

— Да вы не бойтесь, всё честно заслужено! Из самой управы награда, — поспешил успокоить их Дин Тянь. — Теперь это наше по праву. Все эти шелка и атлас пустим на новые наряды для семьи. Особенно Дин Кэ и Дин И — им в следующем году идти в школу, так что приличная одежда просто необходима.

— Ну, раз дело чистое, тогда ладно, — выдохнули наконец дяди, и на их лицах просияли улыбки. — Ай да наш Тянь-эр, ай да голова! Ну и молодец!

С тех пор как Дины открыли собственную зерновую лавку, дяди и так ходили гоголем, а уж когда Чэни и Гао с позором пошли ко дну, они и вовсе воспряли духом. Нынче в уезде только и разговоров было о том, какими дураками оказались Чэни и как поделом досталось спесивым Гао.

Дин Тянь улыбнулся и продолжил:

— Тут уездной тюрьме нужно пошить новые робы. Я выхлопотал этот подряд для нас. Пусть вторая и третья тетушки возьмутся за работу. За каждый готовый комплект заплатят по тридцать вэней, а за пару обуви — по двадцать.

— О, это дело хорошее! — оживилась третья тетушка. — А сколько комплектов нужно? Если мы вдвоём не управимся, позовём на подмогу соседок.

— У нас тут двадцать рулонов грубого хлопка, столько же тонкой пеньки, тридцать рулонов дерюги и целых сто цзиней ваты. Нужношить всего: и демисезонных рубах, и зимних тёплых курток, и лёгких летних штанов, — объяснил Дин Тянь. — Всё это пойдёт на арестантские нужды. Шейте, сколько ткани хватит.

— Батюшки, как же много! — всплеснула руками вторая тетушка. — И вся ткань новенькая?

— Совершенно новая, не переживайте. И за работу управа сполна заплатит.

Дин Тянь указал на упитанную свиную тушу:

— Вот эту свинью заберите в деревню. Для новогоднего поминовения предков знатная голова выйдет, самое то для праздничного стола.

Что касается быка, то туша прибыла без головы — по законам империи подносить духам предков бычью голову имел право только сам император или члены его семьи во время великих жертвоприношений небу.

— Договорились! — кивнул второй дядя. — Раз ты у нас теперь глава старшей ветви рода, эта свиная голова и окорок станут твоим личным подношением покойным родителям. Положим у их могилы, как полагается!

Разумеется, подношение у могилы должно было полежать лишь для виду, после чего его забирали обратно, чтобы съесть за праздничной трапезой.

Во дворе сразу стало шумно и весело. Младшие братья и сёстры Дин Тяня облепили повозку, с любопытством разглядывая диковинные вещи. Дин Тянь заранее припас для них подарки: достал две нарядные заколки-чухуа с жемчужинами и два серебряных замочка долголетия.

— Это вам от старшего брата к Новому году.

Старшие двоюродные братья довольно заулыбались, глядя на подношения, у сестрёнки при виде заколок загорелись глаза, а двое совсем маленьких братишек лишь удивлённо хлопали глазами, не понимая, что происходит.

— Ох, это ж сколько серебра ушло? — покачал головой второй дядя, укоризненно глядя на племянника. — Ты теперь сам себе хозяин, должен копить деньги на будущую свадьбу, а не швыряться ими.

Дин Тянь рассмеялся:

— Да бросьте вы, дядя! Это всё из старых запасов уездной тюрьмы изъято, мне официально разрешили забрать эти безделушки. Ни одного вэня из своего кармана не потратил.

— Ну, коли так, тогда ладно. Но всё равно води себя скромнее, не зли завистников, — наставительно произнёс второй дядя. — К слову, баранов у тебя больно много. Людям из управы-то долю выделил? Отношения портить нельзя.

— Я целую свиную тушу оставил для ведомственной кухни, — ответил Дин Тянь. — К тому же обделили только виновных. Честных служащих тоже наградили, а кое-кто даже пошёл на повышение.

Услышав, что никто в обиде не остался, второй дядя успокоился. Но настоящая волна радости накрыла семью, когда они узнали, что Дин Тянь переводят на службу в губернский город. В их глазах это было величайшим достижением. Шутка ли — губерния! В их деревне по пальцам можно было пересчитать тех, кто вообще хоть раз бывал в губернском городе.

За обедом третий дядя напомнил ему:

— Ты не забудь собрать хорошую корзину для дяди по материнской линии. Всё-таки первый год как женился, да и наследником уже обзавёлся, так что подарок должен быть весомым.

— И что бы вы посоветовали отправить? — спросил Дин Тянь.

Он глубоко уважал своего дядю Ху Вэя. Чем дольше Дин Тянь жил в этом мире, тем отчётливее понимал, насколько здесь важны кровные узы, родственные связи и служебный ранг.

— Отрежь хорошую заднюю часть от бычьей туши, — прикинул третий дядя. — Свинина ему без надобности, у него своего мяса в достатке. Лучше отправь ему целого барана и пару рулонов хорошего атласа.

Такой щедрый дар считался бы исключительно почтенным подношением.

— И главное, Расскажи ему о своём переводе. Пусть знает, что ты пошёл в гору.

— Хорошо, — согласился Дин Тянь. — Так и сделаю.

— Как закончишь с делами в городе, заезжай в деревню, — ухмыльнулся второй дядя, так и сияя от гордости. — Старый староста трех деревень тебя превозносит до небес! А помнишь, как деревенские судачили, когда Чэни расторгли помолвку? Теперь в один голос твердят, что девица Чэнь своего счастья не разглядела и упустила такую судьбу! Меня уже замучили расспросами, не ищем ли мы тебе невесту.

И впрямь: завидный жених! Крепкое хозяйство, надёжное место в управе, деньги, уважение. К тому же ни ворчливых родителей над душой, ни докучливых золовок — любая девица мечтала бы войти в такой дом хозяйкой.

— О женитьбе мне пока думать недосуг, — поспешно открестился Дин Тянь. — Мне ведь скоро в губернию переезжать.

— И то верно! — тут же подхватил третий дядя. — Вдруг в губернском городе встретишь достойную партию? Тамошние барышни куда воспитаннее и краше наших деревенских простушек!

Дядя искренне желал, чтобы племянник взял в жёны городскую девицу, которая утрёт нос спесивой дочери Чэней. Раз Чэни были из уездного городка, то племяннику следовало привезти жену из самой губернии — вот это был бы достойный ответ!

Дин Тянь лишь неопределённо усмехнулся. На самом деле он просто искал предлог, чтобы потянуть время. С момента его появления в этом теле не прошло и года, и связывать себя узами брака он совершенно не торопился. К тому же, какими были здешние женщины? Достаточно посмотреть на вечно хлопчущих тётушек. Нет, к семейной жизни он был ещё психологически не готов.

Спустя несколько дней, аккурат перед Малым Новым годом, Дин Тянь выкроил свободный день. Запряг новенькую повозку, погрузил праздничные гостинцы и покатил проводить дядю Ху Вэя.

Животик у молодой тётушки Сюнян ещё не округлился, но визит Дин Тяня с горой подарков наделал в Деревне семьи Ху немало шума. Дядя вышел встречать его на порог и нарочито громко, чтобы слышали соседи, заворчал:

— Ну и зачем ты столько всего приволок? К чему такие траты?

— Что вы, дядя! Это новогоднее подношение, как и положено любящему племяннику, — улыбнулся Дин Тянь.

Он прекрасно понимал, что дяде просто хочется показать всей деревне, как сильно его уважает взрослый и успешный племянник. Жена деревенского старосты уже вовсю вытягивала шею от любопытства, а при виде двух рулонов блестящего атласа у местных кумушек и вовсе перехватило дыхание. Вдобавок Дин Тянь привёз ещё два отреза тонкого узорчатого хлопка.

Тётушка Сюнян, сияя от гордости перед соседками, тоже мягко пожурела его:

— И впрямь, Тянь-эр, балуешь ты нас.

— Этот атлас пойдёт на пелёнки да одежду для будущего малыша, а тонкий хлопок — тётушке Цуй на новые наряды, — приговаривал Дин Тянь, не торопясь перетаскивая вещи из повозки в дом.

Хвастаться он тоже умел, когда нужно. Хорошие дела не утаишь, а дяде Ху Вэю такой почёт пойдёт только на пользу перед односельчанами. Вся семья светилась от счастья, а пожилая тётушка Цуй и вовсе расплылась в довольной улыбке, отчего её морщинистое лицо сделалось похожим на распустившийся цветок.

Поскольку молодая хозяйка ждала ребёнка, хлопоты у плиты полностью взяла на себя тётушка Цуй. К обеду она накрыла богатый стол: наваристый жирный гусь, тушённый с картофелем; огромное блюдо сочной свиной грудинки, нарезанной тонкими ломтиками, которую следовало макать в острый чесночный соус; нежный соевый творог-тофу в густой подливе из домашней пасты, а на закуску — лёгкий салат из хрустящей капусты, прозрачной лапши и тёртой редьки. К горячему подали пышные домашние пампушки-маньтоу из белой пшеничной муки. Стол ломился от яств — не у каждого так богато бывало на сам Новый год.

Пока обед прел в печи, Дин Тянь расспросил тётушку о здоровье, а затем улучил минуту и поведал дяде о скором назначении.

— В губернский город переводят? — в глазах Ху Вэя промелькнула искра зависти, которая тут же сменилась тревогой. — Оно, конечно, почётно, губерния — не наш уезд. Да только связей у нас там никаких, опереться не на кого... Разве что господин префект Ду вспомнит былую службу и проявит милость.

Ху Вэй всерьёз опасался, что на новом месте бесхитростного племянника быстро прижмут к ногтю. Если уж уездный судья и бывший уездный чиновник Ма умудрялись безнаказанно грабить народ, обирать лавки и держать весь уезд в ежовых рукавицах, то в губернском городе дела наверняка обстояли куда сложнее и опаснее.

— Указ о переводе уже подписан, деваться некуда, — ответил Дин Тянь. — Да и мне самому хочется мир повидать, ума-разума набраться.

— Твоя правда. Всё же ты едешь туда при должности, а не простым просителем, — согласился Ху Вэй.

Ему и самому безумно хотелось хоть глазком взглянуть на большую жизнь за пределами уезда, да только долг перед семьёй не пускал.

За разговорами время пролетело незаметно. Дядя с племянником проговорили весь вечер и полночи. На следующий день они вместе съездили на кладбище — помянуть покойных бабушку и дедушку Дин Тяня, оставив на могилах щедрые поминальные дары.

На прощание дядя собрал племяннику полную корзину гостинцев: домашние рисовые пироги-няньгао, пышные булочки с бобовой пастой, кадки хрустящей квашеной капусты и сушёную редьку. Простые деревенские угощения, но для Дин Тяня они были дороже любых изысканных деликатесов.

Когда он вернулся в управу, до Малого Нового года оставались считанные дни, и ведомство готовилось к праздничному закрытию на каникулы.

Здесьнее празднование разительно отличалось от того, к чему Дин Тянь привык в своей прошлой жизни. В современном мире дух праздника давно растерялся, напоминая о себе лишь предновогодней суетой да переполненными вокзалами. Здесь же канун Нового года чтили свято. Уже в середине последнего месяца зимы все государственные присутственные места прекращали бумажные дела, откладывая неспешные тяжбы на потом. Управа открывала свои двери лишь после шестнадцатого дня первого месяца нового года, да и то дела велись лениво вплоть до праздника Дракона, поднимающего голову, когда съедалась последняя обрядовая свиная голова. Лишь тогда год считался полностью вступившим в свои права.

Поэтому Дин Тянь спешил пораньше уехать в родную Деревню семьи Дин.

Перед тем как закрыть управу и опечатать бумаги, судья Сюй раздал всем подчинённым праздничные подарки. Пусть подношение было скромным — один лян серебра, пара кур, три цзиня свинины да десять цзиней белой муки, — но всё равно приятным.

— Смотри только, перед отъездом наведи в тюрьме полный порядок, чтобы комар носа не подточил, — напутствовал его судья Сюй.

<http://bllate.org/book/19387/1997497>